

**К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ
КАМНЕРЕЗНОГО ИСКУССТВА С. КУБАЧИ**

Вопрос о датировке средневековых памятников искусства Зирихгерана – Кубачи является одним из сложных и трудных в изучении кубачинского искусства. Это связано с тем, что точно датированных памятников искусства резьбы по камню и дереву, художественного бронзового литья и т.д. очень мало. Поэтому при определении хронологии многочисленных памятников искусства, не имеющих точных дат, мнения исследователей расходятся. В трудах же отдельных ученых – Э.В. Кильчевской, Л.Т. Гюзальяна, П.М. Дебирова и других встречается, как будет показано ниже, неверная датировка даже тех памятников, на которых имеются точные даты мусульманского летосчисления.

Проблема датировки средневековых памятников искусства с. Кубачи в должной мере ещё не исследована и в свете накопленных к настоящему времени новых данных по кубачинским памятникам нуждается в её дальнейшей разработке.

Остановимся прежде всего на состоянии изученности рассматриваемого вопроса. Одним из первых исследователей, специально занимавшихся вопросами датировки отдельных памятников искусства Зирихгерана – Кубачи, был российский востоковед, филолог, историк и этнограф, профессор Петербургского университета, академик Российской академии наук Б.А. Дорн (1805–1881). В мае 1861г. вместе с сопровождавшими его помощником кайтаго-табасаранского окружного начальника поручиком артиллерии П.Петуховым, юнкером В. Мискиновым и архитектором Е. Гиппиусом он побывал в сс. Кубачи и Калакорейш. За два с половиной дня пребывания в Кубачах ими было зарисовано значительное количество средневековых каменных рельефов с изобразительными сюжетами, орнаментом и арабскими надписями. Вспоминая поездку в с. Кубачи, позднее Б.А. Дорн писал о себе в третьем лице: «Во времена своего пребывания в этом ауле, он, при помощи смоченной бумаги и графита, с восторгом снял непонятные для нас как рельефные, так и надгробные надписи, а когда он увидел изображения зверей и людей, то был изумлен виденными прекрасными памятниками, находящимися в Кубачах. Он снял отпечатки большинства надписей, а находившийся с ним архитектор Гиппиус зарисовал большую часть рельефных изображений, которые украшали стены одного дома аула» (*Dorn B.*, 1873. S. 325).

На обратном пути из с. Кубачи Б.А. Дорн сделал остановку в с. Калакорейш, где он списал ряд эпитафий родового кладбища уцмиев (правителей) Кайтага, одну куфическую надпись в мечети и другие.

О своей поездке в Кубачи и Калакорейш Б.А. Дорн пишет в своем предварительном «Отчете», опубликованном сперва на немецком, а потом на русском языках (*Dorn B.*, 1862. S. 367–388; 1864. С. 275–279, 285, 308–309). Сведения о пребывании в селениях Кубачи и Калакорейш имеются и в других работах (*Dorn B.*, 1873. S. 321–336; 1874. S. 307–320; 1875. С. 476–477).

Рисунки средневековых резных камней из сс. Кубачи и Калакорейш с изобразительными сюжетами и арабскими надписями были опубликованы в 1871 г. на немецком языке в «Атласе к путешествию Б.А.Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря» (*Ansichten, Inschriften und Abbildungen zu B.Dorn's Reise in dem Kaukasus...*, 1871. Abb. XIV–XV) в очень ограниченном количестве экземпляров (*Иванов А.А.*, 1976. С. 191. Примеч. 3). В 1895 г., уже после смерти Б.А. Дорна, было осуществлено второе издание «Атласа» на русском языке с более полной публикацией рельефов (Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу..., 1895. Раздел I. Табл. XIV–XVI. Раздел II. Табл. XVII–XVIII, XX).

Следует отметить, что большинство каменных рельефов из сс. Кубачи и Калакорейш, опубликованных в «Атласе», срисовано не точно, а, по словам академика И.А. Ор-

бели, неудовлетворительно (*Орбели И.А.*, 1963. С. 354) – искажены или значительно изменены детали изобразительных сюжетов, а в некоторых случаях и орнаментальных композиций, что значительно снижает научную значимость труда Б.А.Дорна. Тем не менее труд этот и поныне сохранил свою определенную ценность благодаря опубликованному в нем большому количеству памятников средневекового камнерезного искусства сс. Кубачи и Калакорейш. Л.И. Лавров справедливо отмечает, что «Б.А. Дорн был первым открывшим надписи Кубачей и Калакорейша» (*Лавров Л.И.*, 1966. С. 34–35). Далее он пишет, что «трудности почерка, которым написаны многие из собранных Б.А. Дорном надписей, помешали ему своевременно прочесть их. Копии текстов отдельных надписей, сохранившиеся в его бумагах, и отдельные его высказывания показывают, что настоящий смысл ряда надписей оставался для него неразгаданным. Например, он позже писал, что старейшая надпись в Калакорейше будто бы относится к 826 г.х. (1422–23 гг.), хотя из того же селения он вывез интересную куфическую надпись домонгольского времени (вероятно, надпись, скопированная со штукового михраба мечети. – Авт.). Еще через 12 лет после своего путешествия Б.А. Дорн утверждал, будто бы надпись из кубачинской медресе рассказывает о принятии ислама кубачинцами в 807 г.х. (1404–05 гг.), хотя на самом деле в ней говорится об эпидемии чумы в указанном году» (*Лавров Л.И.*, 1966. С. 35).

Б.А. Дорн, будучи в с. Кубачи в мае 1861 г., обнаружил над входом в здание медресе каменный тимпан (рис. 1), выразительно украшенный по архивольту (обрамляющему тимпан полукругу) растительным орнаментом из пятичастных памельтт, изображениями животных (вероятно, львов, у которых позднее были умышленно сбиты головы) на нижних боковых выступах и рельефной арабской надписью, покрывающей остальную поверхность передней стороны тимпана.

Датировка тимпана и точный перевод арабской надписи на нём имели существенное значение, так как затрагивали важный вопрос, касающийся времени принятия жителями с. Кубачи ислама как официальной религии и идеологии.

На основе перевода арабской надписи, высеченной на тимпане, Б.А. Дорн писал, что «кубачинцы упорно защищались против ислама в общем вплоть до XIV столетия (старейшая достоверная арабская надпись в Кубачах от 807 года = 1404/05 гг.) и не платили никакой дани» (*Dorn B.*, 1873. S. 321).

В другой работе он писал более определенно: «Надпись 807 г.х. = 1404/05 гг., находящаяся на школе..., гласит, что эта школа (т.е. медресе. – Авт.) была построена тогда, когда они (кубачинцы. – Авт.) примкнули к религии Аллаха. Следовательно, по этому указанию они стали мусульманами в указанный год» (*Dorn B.*, 1874. S. 307).

В переводе надписи на кубачинском тимпане из-за трудности разбора арабского текста Б.А. Дорном была допущена неточность, что способствовало распространению неверного взгляда, будто кубачинцы приняли ислам в начале XV в. Такого мнения придерживались многие ученые (*Erckert R.*, 1887. S. 194–195; *Генко А.Н.*, 1941. С. 99; *Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 12; *Магомедов Р.М.*, 1961. С. 272; *Шихсаидов А.Р.*, 1962. С.26идр).

В 1963 г. востоковед Л.И. Лавров опубликовал новый точный перевод арабской надписи, нанесенной на упомянутый тимпан двери, которая гласит: «И построено это благородное медресе в дни поражения этой страны чумой, в восемьсот седьмом году. Установления и устои жизни – религия Аллаха» (*Лавров Л.И.*, 1963. С. 284–285; 1966. С. 129).

В 1963 г. эта же надпись на тимпане была издана Л.Т. Гюзальяном, который писал, что надпись сообщает о строительстве в 1887 г. х. / 1482–83 гг. медресе (*Гюзальян Л.Т.*, 1963. С. 82). Однако такое чтение даты оказалось неверным, так как в надписи на самом деле приводится другая дата – 807-й г. х., что соответствует 1404–05 гг. нашего летоисчисления.

Как выяснилось, в надписи на тимпане 807 г.х. говорится не о принятии кубачинцами ислама в самом начале XV в., а о строительстве мусульманской школы высшего типа – медресе.

Тимпан 807 г.х. / 1404–05 гг. из с. Кубачи, который хранится ныне в ДГОМ, является одной из точно датированных и превосходно украшенных деталей архитектурного декора, имеющей большую историческую и художественную ценность как памятник арабской

эпиграфики и как произведение средневекового камнерезного искусства Зирихгерана – Кубачи.

Через двадцать с лишним лет после Б.А.Дорна, в 1882 г., с научной целью по поручению Московского археологического общества с. Кубачи посетил известный географ, этнограф и археолог академик Д.Н. Анучин (1843–1923). Третья глава его «Отчета о поездке в Дагестан летом 1882 года» целиком посвящена этому селению (*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 401–427). В ней приводятся исторические сведения о кубачинцах, данные об их быте и производственной деятельности, архитектурных сооружениях; дается краткое, самое общее описание ряда средневековых каменных рельефов, а также бытовой утвари.

Находящиеся в с. Кубачи в стенах жилых домов и культовых сооружений (мечетей, медресе) каменные рельефы с арабскими надписями и с изображениями людей, животных, птиц Д.Н. Анучин считает выполненными «до IX века хиджры, или 1397–1490 гг.» (*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 405). В другом месте той же работы он пишет, что надписи в Кубачах «все арабские (куфические) и, по словам Дорна, не древнее XIV века» (*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 410). А «частые изображения свиньи или кабана указывают, как будто, на эпоху, предшествовавшую исламу» (*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 413). Датировку свою Д.Н. Анучин специально не обосновывает, и она носит, скорее всего, предположительный характер.

В 80-х гг. XIX в. с. Кубачи посетил Р.Ф. Эркерт, бывший русский генерал, командир одной из пехотных дивизий на Кавказе. Он занимался лингвистическим и антропологическим исследованиями кавказских народов. В XII главе его книги «Кавказ и его народы» (*Erckert R.F.*, 1887. S. 193–203), изданной в 1887 г. на немецком языке в Лейпциге, даётся перечисление кубачинских средневековых памятников камнерезного искусства, находившихся тогда в кладке стен старинного, но основательно перестроенного здания, первоначально являвшегося, согласно преданию, христианской церковью, впоследствии превращенной в женскую мечеть, а также рельефов, вставленных в стены других зданий: тимпан окна с изображением оленя и с надписью (эпиграфическим орнаментом) в обрамляющем его полукруге (архивольте); рельеф с изображением двух мужских фигур; ещё один тимпан окна с рельефным изображением льва и кабана, а также арабской надписью (эпиграфическим орнаментом) в архивольте; рельефы с изображением оленя, львов, сцен охоты, терзания львом кабана и т.д. Р.Ф. Эркерт предполагает, что изображения эти отражают время победы в с. Кубачи мусульманства над христианством, упрочившегося после преодоления долгого сопротивления кубачинцев, очевидно, в XV–XVI вв. (*Эркерта Р.Ф.*, 1887. С. 51. Рус. перевод).

В 1888 г. с. Кубачи посетил английский исследователь Г.Д. Аберкромби (1841–1924), который путешествовал в то время по Восточному Кавказу. В вышедшей в 1889 г. в Лондоне на английском языке его книге «Путешествие по Восточному Кавказу» дается краткое описание ряда кубачинских рельефов – архитектурных деталей с изобразительными сюжетами (*Abercromby H.J.*, 1889. P. 266–275. Fig. 2–6). В ней помещены два графических рисунка разных камней с изображениями животных, а также не совсем четкая и точная прорисовка изображений двух животных (волки или собаки) в обрамлении растительного орнамента, сделанная с борта средневекового бронзового котла закрытого типа (*Abercromby H.J.*, 1889. P. 274. Fig. 7). На одной отдельной таблице (вклейка между с.270–271) приведены три не совсем четкие эстампажные отпечатки со средневековых рельефов с изображениями геральдических птиц в узорном обрамлении, со сценой жертвоприношения собаки и с изображением птицы, клюющей другую птицу. Автор рельефы относит к эпохе средневековья, а конкретных дат не приводит. Он отмечает, что резных камней в с. Кубачи намного больше, чем он успел посмотреть, и ссылается при этом на труды академика Б.А. Дорна, посвященные кубачинским каменным рельефам.

Большую работу по изучению средневековых памятников искусства с. Кубачи и ряда населенных пунктов Дагестана проделал проф. А.С. Башкиров. В его статье «Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш» описывается каменное саркофагообразное надгробие из Калакорейша, датируемое автором «не позднее конца XII в.» (*Башкиров А.С.*, 1926. С. 54–63. Табл. VI–VIII). В другой работе А.С. Башкирова «Деревянные

двери дагестанского аула Калакорейш» дается краткое описание и художественно-эстетическая оценка двух пар дверей соборной мечети Калакорейша. Двери он датирует XII–XIII вв. (*Башкиров А.С.*, 1928. С. 118–130. Табл. X–XII).

В 1931 г. была опубликована книга А.С. Башкирова «Искусство Дагестана. Резные камни», посвященная в основном камнерезному искусству с. Кубачи и соседних с ним населенных пунктов (Калакорейш, Амузги, Ицари и др.).

Вопросы датировки кубачинских памятников А.С. Башкиров специально не разрабатывал, ограничившись лишь беглым общим замечанием: «Мы уже выделили новейшие памятники, которые сработаны в XIX веке; главное же ядро будет относиться к эпохе от XI–XII вв. до XIV в.» (*Башкиров А.С.*, 1931. С. 79).

Вопросы, касающиеся средневековых памятников искусства и архитектуры с. Кубачи, затрагивает в своих трудах и видный этнограф–кавказовед Е.М. Шиллинг. В книге «Кубачи» он пишет, что «средний квартал, как более древняя часть поселения, изобилует архитектурными памятниками, связанными с историей художественного творчества Кубачей» (*Шиллинг Е.М.*, 1937. С. 8). Продолжая далее, он отмечал, что «данный квартал является главным источником местонахождения в стенах домов старинных, местного происхождения резных камней» (*Шиллинг Е.М.*, 1937. С. 9). «Резные камни Кубачей имеют следы пережитков сасанидского искусства, – замечает Е.М. Шиллинг. – Те постройки, которые они некогда украшали, до нас не дошли. Все эти резные камни являются сейчас фрагментами (некоторые из них датируются XII–XIII вв.), вставленными в ту или иную позднейшую кладку» (*Шиллинг Е.М.*, 1937. С. 9–10).

Памятников средневекового искусства Зирихгерана – Кубачи Е.М. Шиллинг снова касается в своей известной работе «Кубачинцы и их культура» (*Шиллинг Е.М.*, 1949.), в которой глубоко исследована материальная и духовная культура, быт и социальный строй кубачинцев, подробно описаны различные отрасли художественного ремесла. Кубачинские каменные рельефы он относит к XII–XIII вв. (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 42–45. Рис. 10–3, 11–12. С. 182).

Е.М. Шиллинг специально не занимался исследованием средневековых резных камней, бронзовых котлов, памятников резьбы по дереву и т.д. Он рассматривает их в книге «Кубачинцы и их культура» в качестве материалов, показывающих древность местного искусства художественной резьбы по камню и дереву, а также бронзолитейного дела.

Аналізу рельефной надписи на тимпане двухпроемного окна с борцами, хранящемся ныне в ДМИИ, посвящена статья востоковеда В.А. Крачковской. Надпись была интерпретирована ею как арабская, а сам тимпан был датирован серединой XIII в. на основе палеографического анализа почерка надписи (*Крачковская В.А.*, 1938. С. 352–357). Позднее А.А. Иванов представил новое чтение этой надписи, которую он считает персидской. Тимпан датируется им первой половиной XIV в. (*Иванов А.А.*, 1976. С. 178; 1984. С. 57–60; 1987. С. 218–221. Илл. 1–2).

В 1938 г. в связи с 750-летним юбилеем великого грузинского поэта-гуманиста Шота Руставели была издана книга «Памятники эпохи Руставели», в которой была опубликована статья И.А. Орбели «Албанские рельефы и бронзовые котлы XII–XIII вв.» (*Орбели И.А.*, 1938. С. 301–326; 1963. С. 347–361. Табл. LI–LV). Автор статьи определил относительную датировку кубачинских каменных рельефов и бронзовых котлов XII–XIII веками, показал принадлежность их к местной художественной культуре, обосновал тематическую и художественно-стилистическую общность декора котлов и каменных рельефов – деталей убранства различных архитектурных сооружений, что в целом имело большое и принципиально важное значение в деле дальнейшего изучения средневекового искусства Зирихгерана – Кубачи.

Если до работ И.А. Орбели средневековые кубачинские каменные рельефы привлекали внимание ряда исследователей – академиков Б.А. Дорна, Д.Н. Анучина, профессора А.С. Башкирова и других, то литые бронзовые котлы оставались совершенно не изученными. Даже «в определении времени изготовления котлов при их первом появлении в русских частных собраниях специалисты разошлись во мнениях на добрую тысячу лет:

одни – признавая эти предметы котлами «сасанидского типа», другие – желая видеть в них кубачинские изделия XIX в.» (*Орбели И.А.*, 1963. С. 350). И.А. Орбели определил, как уже отметили, относительную датировку котлов, дал их типологическую классификацию, которой придерживаются и ныне все исследователи, занимающиеся их изучением, описал технику изготовления котлов. Следует отметить, что очень краткое описание средневековых кубачинских бронзовых котлов и их датировка XII–XIII вв. содержатся в значительно более ранней работе И.А. Орбели «Временная выставка сасанидских древностей» (*Орбели И.А.*, 1922. С. 14). В ней автор рассматривает котлы как произведения искусства, созданные в период «кристаллизации пережиточных сасанидских форм».

В конце 30-х и начале 40-х гг. XX в. было опубликовано несколько статей зарубежных исследователей, посвященных памятникам средневекового искусства с. Кубачи.

В статье М.С. Диманда «Каменный рельеф с Кавказа» (*Dimand M.S.*, 1938. P. 260–262) дано описание оконного тимпана из с. Кубачи, хранящегося в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. На тимпане изображен едущий вправо конный всадник, а в обрамляющем тимпан полукруге (архивольте) высечен растительный орнамент типа «выюнка».

Автор датирует тимпан XII–XIII вв. Описание этого же тимпана М.С. Диманд дает и в «Справочнике по мусульманскому искусству» (*Dimand M.S.*, 1958. P. 97–98), опубликованному в 1958 г. Рельеф этот включен также в «Путеводитель по Метрополитен-музею» (*The Metropolitan Museum of Art. Guide*, 1992. P. 319. Fig. 20), где он датирован XIV в.

Кубачинские каменные рельефы из заграничных музейных собраний и частных коллекций наиболее полно описаны и проанализированы в статье проф. А. Сальмони «Дагестанская скульптура» (*Salmony A.*, 1943. P. 153–163. Fig. 1–8), который отмечает сильное тюркское влияние в предметах вооружения и costume изображенных на рельефах людей, а это обстоятельство он связывает с сельджукским искусством. Вслед за А.И. Орбели рельефы он датирует XII–XIII вв.

Значительную работу по изучению искусства с. Кубачи проделала искусствовед Э.В. Кильчевская. В совместной с А.С. Ивановым работе «Художественные промыслы Дагестана» (*Кильчевская Э.В., Иванов А.С.*, 1959. С. 7–8, 12), представляющей собой первую сводную работу о традиционных народных ремеслах республики, кубачинские бронзовые котлы и каменные рельефы, датируемые ими XII–XIII вв., рассматриваются как свидетельство высокой степени развития декоративного искусства дагестанских горцев в эпоху средневековья.

Вопросы истории средневекового искусства и художественной культуры кубачинцев рассматриваются Э.В. Кильчевской в книге «Декоративное искусство аула Кубачи». В ней произведения камнерезного искусства и художественного бронзового литья, датируемые ею то IX–XII вв., то IX–XIV вв., исследуются на широком фоне художественной культуры стран Ближнего Востока (*Кильчевская Э.В.*, 1962. Табл. II–V).

В 1968 г. была издана другая работа Э.В. Кильчевской «От изобразительности к орнаменту», в которой на основе изучения обширной коллекции резных камней – деталей архитектурного декора и надмогильных памятников Кубачи и соседних сс. – Амузги, Ашты, Калакорейша, Уркараха, Урцаки, Шири – обрисована общая картина развития кубачинского искусства от эпохи раннего средневековья до XX в. (*Кильчевская Э.В.*, 1968).

Однако работа «От изобразительности к орнаменту» не лишена ряда недостатков. Предлагаемую датировку многих памятников камнерезного искусства и художественной металлообработки нельзя признать верной. Так, каменное надгробие XIII в. в виде саркофага из с. Калакорейш датировано ею VIII–X вв. (*Кильчевская Э.В.*, 1968. С. 53–61. Рис. 21–23). А сюжетные изображения, воспроизведенные на резных камнях из с. Кубачи в виде графических рисунков, сохранившихся в бумагах барона П.В. Гана в архиве Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, более чем сомнительные в своей достоверности, датированы ею ранним средневековьем (*Кильчевская Э.В.*, 1968. С. 42–48. Рис. 13–14). Бронзовый поднос XIX в. с рельефными чеканными изображениями оленей отнесен «к эпохе раннего средневековья, т.е. примерно к V–VI вв. н.э.» (*Кильчевская Э.В.*, 1968. С. 30–31. Рис. 3).

В работе Э.В. Кильчевской прослежены 4 периода в развитии кубачинского искусства: I. Памятники эпохи раннего средневековья (V–X вв.); II. Сюжетный рельеф XI–XII вв.; III. Изобразительное искусство XII–XIV вв.; IV. Орнаментальное искусство аула Кубачи. XIV–XX вв. Каждый из этих периодов охарактеризован в отдельных главах. А в заключительной части исследования (*Кильчевская Э.В.*, 1968. С. 187–190) отмечены характерные для каждого периода особенности искусства.

Периодизацию искусства Кубачи, данную Э.В. Кильчевской, нельзя признать верной, так как она основана на анализе ошибочно датированных памятников. А для характеристики первого раннесредневекового периода развития кубачинского искусства вообще нет ни одного памятника, который можно было датировать V–X вв.

Один из небольших разделов путеводителя по залам Государственного Эрмитажа – «Средневековый Дагестан» – посвящен краткому описанию средневековых каменных рельефов и бронзовых котлов из с. Кубачи, находившихся в начале 60-х гг. XX в. в экспозиции отдела Востока Эрмитажа. Автор раздела Т.А. Измайлова одну группу рельефов датирует XII–XIII вв., а другую – XIII–XV вв. и считает, что когда-то они украшали дворец феодального правителя, а также культовые здания в с. Кубачи. Каминная (надочажная) плита XV в. с изображениями оленей и растительным орнаментом неверно отнесена ею к XVIII в. (См.: *Культура и искусство Советского Востока. Средняя Азия. Кавказ. Путеводитель по залам Государственного Эрмитажа.* 1963. С. 133–137, 142).

В монографии искусствоведа П.М. Дебилова «Резьба по камню в Дагестане» (*Дебилов П.М.*, 1966), посвященной в основном изучению декорированных надмогильных памятников Дагестана, кубачинские резные камни XIII–XV вв. – детали архитектурного декора и резные надгробия рассматриваются лишь частично. В их датировке автором допущены ошибки. Так, каменный дверной тимпан 807 г. х. / 1404–05 гг. из Кубачи им датирован 1483 г. (*Дебилов П.М.*, 1966. С. 202. Рис. 205), надгробие XV в. из этого же селения датировано XVI в. (*Дебилов П.М.*, 1966. С. 134. Рис. 71), а надмогильный памятник 877 г. х. / 1472–73 гг. из с. Ашты датирован XVII в. (*Дебилов П.М.*, 1966. С. 166. Рис. 134) и т.д.

Здесь следует отметить также труды известного этнографа–кавказоведа, ориенталиста Л.И. Лаврова (1909–1982), посвященные памятникам эпиграфики Северного Кавказа. В этих трудах дается описание, чтение, расшифровка и датировка средневековых арабских, персидских и турецких надписей на резных камнях, значительное число которых выявлено на территории Зирихгерана – Кубачи (*Лавров Л.И.*, 1963. С. 267–296; 1966. С. 112, № 269. С. 127–129, №№ 336–339. С. 134, № 347. С. 144, № 365; 1980. С. 32–33, № 691. С. 45, № 734. С. 54, № 764. Табл. I. №№ 365, 415. Табл. VII, №№ 734, 740. Табл. VIII, № 764). Указанные труды особенно важны при определении датировки резных камней, анализе их декора, наблюдении над эволюцией арабского письма (эпиграфического орнамента), широко использовавшегося в прошлом в декоративных целях.

Эпиграфическим памятникам с. Кубачи посвящена небольшая статья востоковеда Л.Т. Гюзальяна, в которой расшифровываются арабские строительные надписи на дверном тимпане 807 г. х. / 1404–05 гг., датируемом им, как уже отмечали выше, ошибочно 887 г. х. / 1482–83 гг., и на рельефе 881 г. х. / 1476–77 гг., вставленном в наружную кладку восточной стены Большой мечети («Хвала мишит») в нижнем квартале с. Кубачи (*Гюзальян Л.Т.*, 1963. С. 82–85).

В книге английского исследователя Д.Т. Райса «Исламское искусство» кратко рассматриваются средневековые кубачинские бронзовые котлы и каменные рельефы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и заграничных музеях (*Rice D.T.*, 1977. P. 54–57. Fig. 48). Автор отмечает сохранение в декоре этих памятников древних черт, восходящих к сасанидским традициям. В книге воспроизведен кубачинский бронзовый котёл закрытого типа, украшенный изображениями геральдических львов (на горизонтальных бортиках), а также птиц, всадников и растительного орнамента (на тулове), хранящегося в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Котёл датирован XII в.

В 70-х гг. XX в. вопрос о датировке кубачинских памятников искусства специально разрабатывал А.А. Иванов (*Иванов А.А.*, 1976. С. 164–197). Он методологически правиль-

но подошел к освещению вопроса датировки резных камней и бронзовых котлов. Разработав хронологическую схему развития орнамента и эволюции почерка арабских надписей на ранних надмогильных памятниках, опираясь при этом на сравнительно небольшую группу точно датированных резных камней, он в целом обоснованно датирует большинство декорированных надгробий и близких к ним по стилю узорно-эпиграфических композиций каменных рельефов – деталей архитектурного декора, а также литые бронзовые котлы.

Однако при разработке вопроса датировки памятников кубачинского искусства А.А. Иванов ограничился анализом растительного орнамента и палеографии арабских надписей, а изобразительные сюжеты не затронул.

А.А. Иванов считает, что в Кубачи «не имеется памятников, которые можно считать созданными на месте и которые можно датировать ранее XIV века» (Иванов А.А., 1981. С. 22; 1984. С. 59; 1987. С. 218; 2008. С. 116). Это мнение основано не только на анализе декора памятников резьбы по камню, но и на том, что А.А. Иванов полагает, что до XIII столетия с. Кубачи на месте его нынешнего расположения не существовало, что оно было основано где-то в конце тринадцатого века, следовательно, памятники искусства, созданные в Кубачи ранее XIV в., отсутствуют.

Вопрос о датировке средневековых памятников искусства с. Кубачи затрагивает историк А.Е. Криштопа в монографии «Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории». Он считает, что кубачинские каменные рельефы с изображениями мужских фигур в халатах с оплечьями в виде четырех пальметт были созданы в конце XIII в. (Криштопа А.Е., 2007. С. 110). «Изображение халата с оплечьем в виде 4-х пальметт трижды встречается на кубачинских рельефах¹, причем это пока единственный элемент китайского происхождения в кубачинской глиптике². Принимая во внимание единичность подобного факта и вероятность более раннего проникновения одежды в процессе заимствования, сравнительно с другими формами материальной культуры, мы полагаем, – пишет А.Е. Криштопа, – что эти рельефы могут быть отнесены... к концу XIII в., хотя А.А. Иванов не счёл возможным датировать эти рельефы ранее чем XIV веком» (Криштопа А.Е., 2007. С. 110).

Кубачинские рельефы с изображениями сидящих по-восточному мужчин в халатах(?) с оплечьями в виде четырех пальметт (один из рельефов находится в музее Лувр в Париже, другой – в Нью-Йорке, коллекция Д.К. Келекиана³, третий – в собрании ДМИИ, четвертый – в ДГОМ) (рис. 2, 3, 4) А.А. Иванов датирует второй половиной XIV в. Эту дату считаем совершенно верной. И вот почему. Изображения на этих рельефах заключены в фигурные медальоны в виде крупных элементов растительного орнамента, называемых у кубачинцев «тамгъне». Медальоны по форме и технике исполнения близки к медальону с заключенным в нем изображением припавшего на передние конечности оленя (с отбитой намного позднее изготовления рельефа головой), представленному на каменном оконном тимпане (рис. 5) из собрания ДГОМ. Тимпан этот датируется второй половиной XIV в., вернее, восьмидесятыми годами XIV в. Дата эта определяется на основании того, что позднекуфическая декоративная арабская надпись на архивольте тимпана (не её содержание, а палеографические особенности) находит прямые аналоги в надписи,

¹ Ныне изображение халата с оплечьем в виде четырех пальметт известно на шести рельефах.

² Понятие «глиптика» в данном случае использовано не к месту. Кубачинские средневековые каменные рельефы – архитектурные детали нельзя рассматривать как произведения глиптики, так как искусство глиптики – это специфический вид художественной обработки миниатюрных драгоценных и полудрагоценных камней для изготовления печатей (гемм), перстней – печаток, амулетов.

³ Выражаю искреннюю благодарность ведущему научному сотруднику отдела Востока Государственного Эрмитажа А.А. Иванову за предоставленные фотографии двух кубачинских каменных рельефов с изображениями сидящих по-восточному мужчин.

высеченной на кубачинском надмогильном памятнике (в виде широкой эпитафической полосы с закруглённым верхом по его краям). На этом надгробии, в его левой верхней части, представлена выполненная графически арабская надпись с точной датой изготовления памятника – 787 г. х. / 1385 г. нашего летосчисления (*Маммаев М.М., Миркиев Г.М., 2009. С. 134. Рис. 1.* Фотография памятника опубликована в перевернутом виде, низом вверх по недосмотру). Поэтому датировку указанных рельефов с изображением мужских фигур в халатах с оплечьями в виде 4-х пальметт концом XIII в., данную А.Е. Криштопой, вслед за ним и З.В. Доде нельзя признать верной.

В опубликованной в 2010 г. книге «Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни» З.В. Доде пересматривает датировку (XIV–XV вв.) А.А. Иванова и относит рельефы к последней трети XIII – началу XIV в. (*Доде З.В., 2010. С. 96, 185.*)

Следует отметить, что эта книга З.В. Доде содержит немало неверных суждений и выводов, а также натяжки, слишком отдаленные и неприемлемые аналогии, неверную атрибуцию рельефов, методически ошибочные приемы, используемые при выяснении семантики сюжетов и т.д. З.В. Доде, превратно атрибутируя средневековые кубачинские рельефы, ошибочно интерпретируя представленные на них сюжеты и образы, приписывая монголам исключительную роль в истории и художественной культуре кубачинцев, по существу фальсифицирует средневековое искусство с. Кубачи. Из всего этого вытекает и неверная датировка ею рельефов последней трети XIII – началом XIV в. Она вообще не учитывает памятники камнерезного искусства с. Кубачи, – архитектурные детали и надмогильные памятники, относящиеся к XV в., даже те из них, на которых имеются точные даты их изготовления. Не учитывает она и те рельефы – архитектурные детали с декоративными арабскими надписями и растительным орнаментом, которые сохранились во множестве в своих первоначальных местах в кладке стен Большой мечети в нижнем квартале старой части с. Кубачи. Мечеть была построена в 881 г. х. – 1476–77 гг. (*Маммаев М.М., 2005. С. 118. Рис. 42.*) Следовательно, значительная часть рельефов, украшавших здание Большой мечети, была изготовлена в XV в. А часть рельефов, украшавших здание Джума–мечети, возведенной в 834 г. х. / 1430–31 гг., на месте которой в 1476–77 гг. была построена Большая мечеть, была перенесена в кладку стен и аркады последней мечети.

Итак, несмотря на то, что вопросы датировки средневековых памятников искусства с. Кубачи рассматривались или затрагивались попутно при освещении других проблем многими исследователями, тем не менее, как уже отмечали, они все ещё недостаточно разработаны. Это вызывает необходимость обратиться к вопросу о датировке средневековых кубачинских памятников камнерезного искусства. Не определив точно их хронологию, невозможно правильно осветить многие важные вопросы как истории самого с. Кубачи, так и истории его искусства. Важно выяснить, имеются ли произведения искусства резьбы по камню, созданные в с. Кубачи, ранее XIV в.

С резными мусульманскими надмогильными памятниками с. Кубачи периода средневековья вопрос этот более или менее ясен. Кубачинцы перешли в ислам в конце XIII – самом начале XIV в. Датой окончательного принятия жителями Кубачи ислама считается 705 г. х. / 1305 г. нашего летосчисления (*Маммаев М.М., 2005. С. 144.*) Исходя из этого обстоятельства самые ранние мусульманские надгробия с рельефными куфическими арабскими надписями можно датировать первой половиной XIV в., а отдельные из них, возможно, относятся к концу XIII в. (рис. 6). Определить относительную хронологию более поздних надгробий можно путем сопоставления декора точно датированных памятников с декором памятников, не имеющих точные даты изготовления. Сложнее решить вопрос о датировке наиболее ранних кубачинских каменных рельефов – деталей архитектурного декора.

Археологические данные, сведения средневековых письменных источников и дагестанских исторических сочинений, исторические предания и легенды, памятники искусства и арабской эпитафики кубачинцев, их традиционный фольклор свидетельствуют о том, что с. Кубачи имеет многовековую историю и к XIII в. оно стало одним из крупных

населенных пунктов Кубачино-даргинского нагорья (Маммаев М.М., 2005. С. 13–31, 224), где получили развитие различные отрасли ремесла. Представляется маловероятным, что архитектурная резьба по камню и дереву в с. Кубачи начала развиваться только с XIV в. Основы её были, несомненно, заложены ещё в предшествующее время, а в XIV–XV вв. она получила свое дальнейшее развитие и достигла высокой степени совершенства.

При освещении вопроса датировки средневековых каменных рельефов – архитектурных деталей необходимо учитывать некоторые важные обстоятельства: если в соседнем с Кубачи с. Калакорейш в XII–XIII вв. были созданы замечательные памятники искусства – штукатурные рельефы михраба соборной мечети (Дебиров П.М., 1966а. С. 17–27, 29–36. Илл. 10–22), резные деревянные двери (Башикиров А.С., 1928. С. 118–130. Табл. X–XII; Дебиров П.М., 1982. С. 40–42. Рис. 52–55; Маммаев М.М., 1989. С. 114–118. Рис. 189–195) и каменные фигурные опорные столбы для этой же мечети (Дебиров П.М., 1966а. С. 46. Рис. 12–13), каменное надгробие в виде саркофага, богато отделанное изобразительными сюжетами, орнаментом и арабской надписью (Башикиров А.С., 1926. С. 54–63. Табл. VII–VIII; Маммаев М.М., 1990. С. 93–103), то трудно допустить, что в таком крупном художественном центре, как с. Кубачи, в XII–XIII вв. не были созданы произведения искусства резьбы по камню и дереву, художественной обработки металла. Датировка калакорейшских памятников – штукатурных рельефов, деревянных дверей, каменных опорных столбов не вызывает у исследователей сомнений. Декоративно отделанное надгробие в виде саркофага мы датировали концом XIII – началом XIV в. (Маммаев М.М., 1990. С. 93–103). Взвесив все за и против такой датировки с учетом других, выявленных в последнее время в Калакорейше памятников, теперь полагаем, что дата изготовления этого памятника не выходит за рамки XIII в. С конца XIII в. или в самом начале XIV в. в Калакорейше начали изготавливать надгробия в виде вертикально поставленных каменных плит трапециевидной формы или с закругленным верхом. Памятники средневекового искусства с. Калакорейш правомерно привлекать при разработке вопроса датировки кубачинских памятников, поскольку, как писал Е.М. Шиллинг, «культура с. Калакорейш входила в состав более широкого комплекса с. Кубачи» (Шиллинг Е.М., 1949. С. 205).

К XII–XIII вв. могут быть отнесены отдельные кубачинские каменные рельефы – архитектурные детали с изобразительными сюжетами и растительным орнаментом, хотя выделить эту группу рельефов из общей массы памятников нелегко ввиду отсутствия надежных датирующих признаков. При датировке произведений архитектурного декора с. Кубачи представляется возможным применение метода аналогий или сравнительного метода изучения сюжетов, образов и орнаментальных композиций каменных рельефов, т.е. сопоставления их с датированными сюжетами, образами и орнаментальными композициями, воспроизведенными на произведениях искусства других населенных пунктов, областей и стран. Так, XIII в. можно датировать сравнительно небольшого размера (24×43см) каменный рельеф (рис. 7), находящийся в наружной кладке стены третьего этажа южного фасада жилого дома А. Гипшаева в нижнем квартале старой части пос. Кубачи. На нем изображены львы в профиль, выполненные в технике плоскорельефной резьбы. Они показаны в двухчастной геральдической композиции с обращенными к зрителю головами. По технике резьбы, композиционному решению, особенностям трактовки зверей изображения на рельефе в стене А. Гипшаева близки к изображениям львов на каменном саркофаге XIII в. из Калакорейша (рис. 8).

XII–XIII вв. датирует Л.И. Лавров отдельные каменные рельефы с арабскими надписями из с. Кубачи и соседних населенных пунктов – Ицари, Шири и Уркарах (Лавров Л.И., 1966. С. 77–78, 112–113; 1980. С. 27). К XI–XIII вв. относит А.Р. Шихсаидов отдельные литые бронзовые котлы т.н. открытого типа, происходящие из с. Кубачи и хранящиеся ныне в музеях, а также находящиеся в частных коллекциях (Шихсаидов А.Р., 1984. С. 427–433). В декоре бортиков котлов указанного типа наряду с арабскими надписями с именами и нисбой изготовивших котлы мастеров представлен орнамент ленточного и растительного типов, близкий орнаменту каменных деталей архитектурного декора. Серединой XIII в. датировала В.А. Крачковская кубачинский оконный тимпан с борцами

и с персидской надписью в обрамляющем его полукруге (*Крачковская В.А.*, 1938. С. 352–357) (В.А. Крачковская считала её арабской надписью, но на самом деле она оказалась персидской (*Иванов А.А.*, 1984. С. 57–60; 1987. С. 218–221. Рис. 1). Тимпан датируется А.А. Ивановым серединой XIV в.

Ныне в Государственном Эрмитаже хранится каменный рельеф из с. Кубачи с изображением двух противостоящих львов с одной общей головой (рис. 9). Подобные изображения парных львов с одной общей головой известны в искусстве стран Востока и Владимиро-Суздальской Руси. В различной иконографической интерпретации изображения двух львов с одной общей головой представлены в средневековом архитектурном декоре (резной штук) дворца правителей Старого Термеза (Узбекистан) (*Денике Б.П.*, 1939. С. 41–43. Табл. XXIII, 2, правая илл.), а также в фасадной рельефной каменной скульптуре Дмитриевского собора во Владимире (*Вагнер Г.К.*, 1969. С. 308; *Лелеков Л.А.*, 1978. С. 40. Илл. 11) и Рождественского собора в Суздале (*Вагнер Г.К.*, 1975. С. 46, 79–81. Илл. 23, 29). Рельефы Старого Термеза и г. Владимира относятся к XII в., а Суздаля – к тридцатым годам XIII в. Кубачинский рельеф с изображением льва с двойным туловищем и одной общей головой можно датировать тем же временем, что и изображения тех же львов в архитектурном декоре термезского дворца и владими́ро-суздальских храмов, т.е. XII–XIII вв. Относить кубачинский рельеф к XIV–XV вв. и считать, что он был изготовлен спустя два века после термезских и владимирских рельефов нет оснований.

Другая деталь архитектурного декора с. Кубачи относительно раннего периода – это тимпан двери эрмитажного собрания (рис. 10) с изображением сидящей женщины в шубке-накидке (в центре тимпана) и со сценой нападения хищной птицы на животное (лань), помещенной в левом конце архивольта (обрамляющего сверху тимпан полукруга). В правом конце архивольта изображена птица, клюющая рыбу, находящуюся в её когтях.

Фигура птицы в сцене её нападения на лань дана крупным планом, а фигура убегающей лани пропорционально сильно уменьшена. Сцена нападения хищной птицы (или грифона) на животное, как и изображение двух львов с одной общей головой, является очень древним мотивом, восходящим к искусству Древнего Востока (*Луконин В.Г.*, 1977. Илл. на с. 91; *Лелеков Л.А.*, 1978. Илл. 9). В средневековом искусстве он представлен в архитектурном декоре Старого Термеза (*Лелеков Л.А.*, 1978. С. 65. Рис. 32) и Грузии (*Чубинашвили Г.Н.*, 1948. Табл. 57, 64). Хищная птица, напавшая на лань, изображена на египетском кувшине XI в. из горного хрусталя, находящемся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне (*Веймарн Б.В.*, 1974. С. 72. Илл. 71).

В искусстве Владимиро-Суздальской Руси изображение птицы, клюющей зайца, представлено в рельефной фасадной скульптуре Дмитриевского собора во Владимире (*Вагнер Г.К.*, 1969. С. 286; *Лелеков Л.А.*, 1978. Илл. 32). Птица, клюющая зайца, воспроизведена в резьбе деревянных врат церкви XIII в. в Охриде в Македонии (*Даркевич В.П.*, 1975. С. 146–147. Илл. 211–и).

Иконографические особенности сцены терзания орлом лани на кубачинском тимпане, композиционное решение сцены и приведенные выше аналогии позволяют датировать сюжет и тимпан в целом XII–XIII вв. Если именно на этот период приходится время наибольшего распространения в искусстве различных стран сюжета терзания птицей животного, то датировка сюжета на кубачинском каменном рельефе более поздним временем представляется неверным.

С сюжетом в виде орла, клюющего животное, связан другой сюжет в виде орла, клюющего или терзающего рыбу, представленный на том же дверном тимпане с изображением женщины (рис. 10).

Любопытно, что мотив орла, клюющего рыбу, композиционно близкий мотиву на кубачинском дверном тимпане, был распространен в скифском искусстве V–IV вв. до н.э. Он хорошо представлен, например, на бронзовых и золотых бляшках из Северного Причерноморья и Центрального Предкавказья (*Артамонов М.И.*, 1966. Илл. 231, 321; *Малышев А.А.*, *Равич И.Г.*, 2000. С. 104–106. Рис. 2). По мнению Е.В. Корольковой, в формировании иконографии этой композиции приняли участие две самостоятельные традиции:

античная и иранская (Королькова Е.В., 1998. С. 166–174). Кубачинский рельеф отделяет от скифских бронзовых бляшек со сценой терзания орлом рыбы многие века, и тем интереснее, что этот мотив, связанный со скифо-иранской традицией, воспроизведен на кубачинском каменном дверном тимпане, относящемся к XII–XIII вв. Резчик по камню, который высек этот древний мотив, несомненно, был знаком с произведениями художественного ремесла с изображением этой сцены.

Семантически и композиционно с мотивом орла, клюющего животное или рыбу, сопоставим другой мотив, изображающий сцену терзания орлом птицы, вероятно, куропатки. В средневековом искусстве Кубачи мотив этот воспроизведен на двух каменных рельефах. На одном из них, опубликованном А.С. Башкировым (Башкиров А.С., 1931. рис. 20) и хранящемся ныне в ДГОМ, изображен орёл, вскочивший на спину птицы, вероятно, куропатки и клюющий её сверху в высоко поднятую шею. Местонахождение другого кубачинского рельефа с аналогичной сценой терзания орлом другой птицы неизвестно. Он был опубликован в 1895 г. в «Атласе к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу...» (Атлас..., 1895. Табл. XIV. Рис. 3). Сходный мотив со сценой терзания орлом другой птицы известен в средневековом архитектурном декоре Армении. Он воспроизведен на рельефе X в., находящемся на южном фасаде церкви Святого Креста на острове Ахтамар (История искусства народов СССР. Т. 2. 1973. С. 143. Илл. 139), а также на рельефе в стене южного фасада церкви XIII в. монастыря Танаат в Арени (Орбели И.А., 1968. Табл. XXV. Рис. 2, внизу; Декоративное искусство средневековой Армении, 1971. Илл. 133; Дурново Л.А., 1979. С. 90. Илл. 51). Встречается этот мотив и в средневековой армянской миниатюре (Дурново Л.А., 1979. С. 224. Илл. 132) того же времени.

Мотив орла, клюющего рыбу, и другой мотив орла, клюющего птицу, – композиции относительно самостоятельные, но идейно-тематически взаимосвязанные. Они могут быть интерпретированы как сцены охоты на птиц. Датировать эти сюжеты на основе приведенных выше аналогий можно XII–XIII вв.

Рассмотренными выше отдельными примерами ограничим сравнительное изучение сюжетов и образов кубачинских каменных рельефов для определения хронологии ранней группы памятников архитектурного декора. Разбирать здесь все сюжеты и образы, запечатленные на рельефах, изготовленных в пределах XII–XIII вв., нет возможности, так как это заняло бы слишком много места. Поэтому мы отсылаем читателя к нашей статье «Дагестан и Владимиро-Суздальская Русь: К проблеме сюжетно-тематического параллелизма в искусстве» (Маммаев М.М., 2009. С. 85–113), где рассматриваются общие для средневекового искусства Дагестана и Северо-Восточной Руси и других стран сюжеты и образы указанного времени.

Возвращаясь к вопросу об изобразительных сюжетах в искусстве XII–XIII вв. с. Калакорейш, отметим, что на деревянных дверях западного и восточного входов в соборную мечеть и на каменном саркофаге представлены изобразительные сюжеты, которые были широко распространены и в средневековом искусстве с. Кубачи. Наличие в Калакорейше памятников с изобразительными сюжетами и богатой орнаментальной резьбой, относящихся к XII–XIII вв., а также нахождение в Дагестане различных произведений искусства того же времени с изобразительными сюжетами – каменной базы колонны в с. Хунзах Хунзахского района (Башкиров А.С., 1931. Табл. 91; Маммаев М.М., 1989. С. 282–283. Рис. 148–149, 151), изделий мелкой металлопластики при археологических раскопках (Аркас) (Маммаев М.М., 1989. Рис. 50, 55, 60), художественной глазурованной керамики (Дербент, Аркас, Арменкала и др.) (Маммаев М.М., 1989. С. 73–76) свидетельствуют о том, что изобразительная традиция, имевшая достаточно длительную историю, к указанному времени получила своё дальнейшее развитие и на Кубачино-даргинском нагорье, и в самом с. Кубачи. Исследователи, изучавшие искусство с. Кубачи периода средневековья, – Е.М. Шиллинг, Э.В. Кильчевская и другие справедливо отмечали принадлежность памятников искусства сс. Амузги, Шири, Калакорейш к кругу кубачинской художественной культуры (Шиллинг Е.М., 1949. С. 210; Кильчевская Э.В., 1962. С. 47; 1968. С. 155–157). Однако искусство соседних с Кубачи селений – «малых художественных

центров», – как народное изобразительное, так и орнаментальное, по сравнению с кубачинским выступает как периферийное искусство. Памятники искусства из этих селений – резные деревянные опорные столбы (Шири, Ицари), деревянные же двери, архитектурные детали с изобразительными сюжетами или орнаментальными мотивами по своим художественным качествам несколько уступают памятникам Кубачи.

В средние века искусство с. Кубачи оказывало свое влияние на развитие искусства не только соседних селений – Калакорейша, Амузги, Дацамаже, Шири, Ашты, Сулевкента, но и значительно удаленных от него населенных пунктов – Кази-Кумуха и других (Айтберов Т.М., Чхеидзе А.С., 1987. С. 157–161).

В датировке кубачинских памятников средневекового искусства ещё немало неясного, спорного. По нынешнему уровню накопления знаний об искусстве Зирихгерана – Кубачи и по современному состоянию его изученности трудно разработать с необходимой полнотой и достоверностью его хронологию.

После выхода работы А.А. Иванова о датировке кубачинских памятников нами в с. Кубачи выявлено ещё три новых, ранее неизвестных, содержащих точные даты, декоративно отделанных надмогильных памятника XIV–XV вв. Поиск таких памятников в с. Кубачи и соседних с ним селениях приведёт, несомненно, к новым находкам точно датированных памятников, что очень важно для решения проблемы датировки произведений средневекового искусства Кубачи. Сравнительное изучение декора надмогильных плит и деталей архитектурного декора, анализ стиля орнаментальных композиций и палеографии их надписей позволят более точно обосновать хронологию резных каменных архитектурных деталей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Айтберов Т.М., Чхеидзе А.С., 1987. Резные камни кубачинского стиля из с. Кумух (конец XIV–XV вв.) // Художественная культура средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала.

Анучин Д.Н., 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года // Известия ИРГО. Т. XX. Вып. 4. СПб.

Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага – Л.

Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. Изд. Императорского Русского археологического общества с предисл. В. Розена. 1895. СПб.

Башикиров А.С., 1926. Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. 1. М.

Башикиров А.С., 1928. Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. 2. М.

Башикиров А.С., 1931. Искусство Дагестана. Резные камни. М.

Вагнер Г.К., 1969. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. XII в.

Вагнер Г.К., 1975. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. М.

Веймарн Б.В., 1974. Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII веков. М.

Генко А.Н., 1941. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. Вып. XXXVI. М.; Л.

Гюзальян Л.Т., 1963. Две строительные надписи из Кубачи // ЭВ. Т. XVI.

Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе. X–XIII вв. М.

Дебилов П.М., 1966. Резьба по камню в Дагестане. М.

Дебилов П.М., 1966а. Архитектурная резьба Дагестана. М.

Дебилов П.М., 1976. Характерные особенности орнамента резного штука средневекового Дагестана (к вопросу о связях с иранским искусством) // Искусство и археология Ирана. II Всесоюзная конференция. 19–23 ноября 1973 г. Доклады. М.

- Дебилов П.М.*, 1982. Резьба по дереву в Дагестане. М.
 Декоративное искусство средневековой Армении. Альбом / Сост.: Н.С. Степанян, А.С. Чакмакчян. Вступ. статья Н. Степанян. 1971. Л.
- Денике Б.П.*, 1939. Резная декоративная отделка здания, раскопанного в Термезе // Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград. Сентябрь 1935. М.; Л.
- Доде З.В.*, 2010. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. X. М.
- Дорн Б.А.*, 1864. Отчет об учёном путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря // ТВО. Т. VIII. СПб.
- Дорн Б.А.*, 1875. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб.
- Дурново Л.А.*, 1979. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М.
- Иванов А.А.*, 1976. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / Автор-сост. А.А. Иванов. Л.
- Иванов А.А.*, 1981. Могильные камни из Кубачи как историко-культурный памятник // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981г. Л.
- Иванов А.А.*, 1984. Новое чтение надписи на тимпане с борцами из селения Кубачи // ЭВ. XXII. Л.
- Иванов А.А.*, 1987. Персидские надписи из Кубачи // Rivista studi orientali. Vol. 59. Fasc. I–IV. Roma.
- Иванов А.А.*, 2008. Культура Кубачи // Во дворцах и в шатрах исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.
- Кильчевская Э.В., Иванов А.С.*, 1959. Художественные промыслы Дагестана. М.
- Кильчевская Э.В.*, 1962. Декоративное искусство аула Кубачи. М.
- Кильчевская Э.В.*, 1968. От изобразительности к орнаменту. М.
- Королькова Е.В.*, 1998. Иконография хищной птицы в скифском зверином стиле VI–V вв. до н.э. // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб.
- Крачковская В.А.*, 1938. Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи // Памяти академика Н.Я. Марра (1864–1934). Сб. статей. М.; Л.
- Криптона А.Е.*, 2007. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. М.
 Культура и искусство народов Советского Востока. Средняя Азия. Кавказ. Путеводитель по залам Государственного Эрмитажа. 1963. Л.
- Лавров Л.И.*, 1963. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Т. XXI. Л.
- Лавров Л.И.*, 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Часть I. Надписи X–XVII вв. М.
- Лавров Л.И.*, 1980. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Часть III. Надписи X–XX вв. Новые находки. М.
- Лелеков Л.А.*, 1978. Искусство Древней Руси и Восток. М.
- Луконов В.Г.*, 1977. Искусство древнего Ирана. М.
- Магомедов Р.М.*, 1961. История Дагестана. Махачкала.
- Мальшиев А.А., Равич И.Г.*, 2000. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска // Северный Кавказ. Историко-археологические очерки и заметки. Сб. статей. МИАР. № 3. М.
- Маммаев М.М.*, 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1990. О датировке и своеобразии декора каменного саркофага из сел. Калакорейш // Памятники древнего искусства Дагестана. Сб. статей. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 2005. Зирихгеран – Кубачи. Очерки по истории и культуре. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 2009. Дагестан и Владимиро-Суздальская Русь: К проблеме сюжетно-тематического параллелизма в искусстве // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. № 3. Махачкала.

Маммаев М.М., Миркиев Г.М., 2009. Изучение памятников камнерезного искусства и арабской эпиграфики XIII–XX вв. Кубачино-даргинского нагорья Дагестана в 2009 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2009. № 4.

Маммаев М.М., 2009. Памятники камнерезного искусства и арабской эпиграфики XIV–XVI вв. Зирихгерана – Кубачи // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1069.

Орбели А.И., 1922. Временная выставка сасанидских древностей. Петербург.

Орбели И.А., 1938. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII–XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л.

Орбели И.А., 1963. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Орбели И.А. Избранные труды. Ереван.

Орбели И.А., 1968. Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар // Орбели И.А. Избранные труды в двух томах. Т. 1. Из истории культуры и искусства Армении X–XIII вв. М.

Чубинашвили Г.Н., 1948. Памятники типа Джвари. Тбилиси.

Шиллинг Е.М., 1937. Кубачи. Пятигорск.

Шиллинг Е.М., 1949. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические эпюды. М.; Л.

Шихсаидов А.Р., 1962. Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала.

Шихсаидов А.Р., 1984. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.

Abercromby H.J., 1889. A Trip through the Eastern Caucasus. London. Фотокопия книги имеется в РФ ИИАЭ ДНЦ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 146.

Ansichten, inschriften und Abbildungen zu B. Dorn's Reise in dem Kaukasus und südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres. 1871. St. – Petersburg. Abb. IV–XV (воспроизведен 41 рельеф). Этот «Атлас» упоминает и сам Б.А. Дорн в работе «Каспий». С.476–477.

Dimand M.S., 1938. A stone relief from the Caucasus // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. Vol. XXXVIII. № 12. New-York.

Dimand M.S., 1958. A Handbook of Muhammadan Art. New-York.

Dorn B., 1862. Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres // BAIS. Т. IV. (Эта же работа опубликована в: МА. Т. IV. Livr. 4. St. – Pb., 1862. P. 429–500).

Dorn B., 1873. Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm // BAIS. Т. XVIII. № 3 (эта же работа опубликована в: МА. Т. IV. Livr. 6. St. – Pb., 1873. P 717–740). Русский перевод этой работы: *Дорн Б.А.* Теперешние Кубачи. Пояснения к повествованию Абу Хамида эль-Андалузи о новостях по поводу этого народа. Перевод с немецкого З. Кидаловой (машинопись) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 149. – 16 с.

Dorn B., 1874. Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und andrängende länder // BAIS. Т. XIX (эта же работа опубликована в: МА. Т. VII. Livr. 1. St. – Pb. 1874. P. 19–44, 53, 92).

Erckert R.F., 1887. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig.

Rice D.T., 1977. Islamic Art. London.

Salmony A., 1943. Daghestan sculptures // Ars islamica. The research seminary in Islamic Art, institute of arts, University of Michigan. V. X.

The Metropolitan Museum of Ars. Guide. 1992. New-York.

Рис. 1. Каменный дверной тимпан из с. Кубачи с арабской надписью о строительстве в 807 г. хиджры / 1404–05 гг. медресе, с растительным орнаментом и изображениями животных (на нижних боковых выступах).

Высота по центру 76 см, ширина внизу 144 см, толщина 12,5 см. ДГОМ.

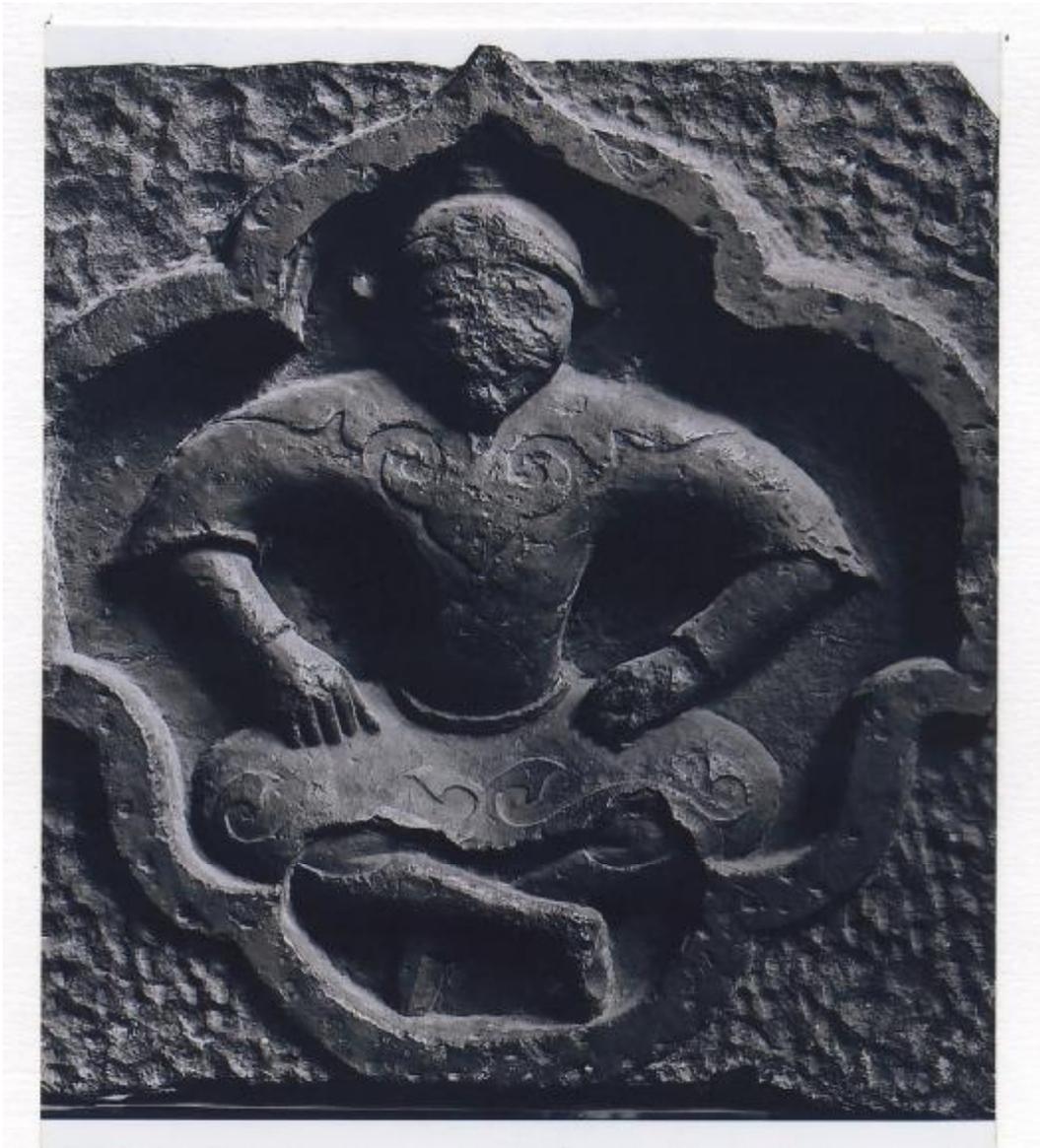

Рис. 2. Каменный рельеф – деталь архитектурного декора из с. Кубачи с изображением сидящего по-восточному мужчины в фигурном медальоне в виде крупного элемента растительного орнамента. Высота 44,5 см, ширина 43 см.
Вторая половина XIV в. Лувр (Париж).

Рис. 3. Каменный рельеф – деталь архитектурного декора из с. Кубачи с изображением сидящего по-восточному мужчины в фигурном медальоне в виде крупного элемента растительного орнамента. Вторая половина XIV в.
Коллекция Д.К. Келекиана (до 2-й мировой войны). Нью-Йорк.

Рис. 4. Каменный рельеф – деталь архитектурного декора из с. Кубачи с изображением сидящего по-восточному мужчины (с виноградной гроздью у ног) в фигурном, вытянутом по вертикали, медальоне. 48x23x14 см.
Вторая половина XIV в. ДМИИ.

Рис. 5. Каменный тимпан из с. Кубачи с изображением оленя (голова преднамеренно сбрита) в фигурном медальоне в виде крупного элемента растительного орнамента и арабской надписью в полукруге (архивольте). Высота по центру 102 см, ширина внизу 102 см, толщина 11 см. Вторая половина XIV в. ДГОМ.

Рис. 6. Надмогильный памятник из с. Кубачи с рельефной позднекуфической арабской надписью «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммед – посланник его». Конец XIII в.

Рис. 7. Каменный рельеф в кладке стены южного фасада жилого дома А. Гиппаева в нижнем квартале с. Кубачи с изображением в профиль львов в двухчастной геральдической композиции. 24х43 см. XII–XIII вв.

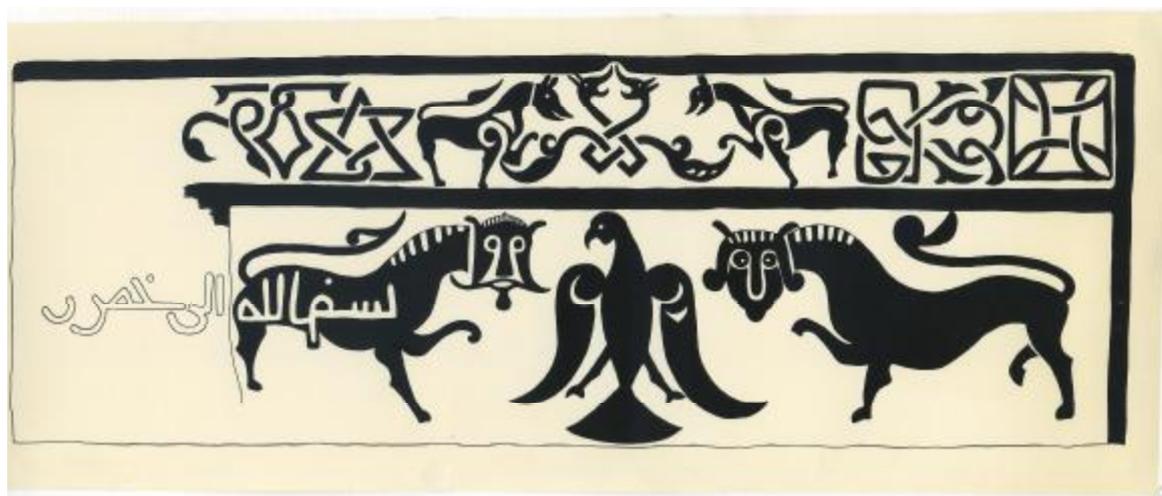

Рис. 8. Юго-западная сторона надгробия в виде каменного саркофага из с. Калакорейш с изобразительными сюжетами, орнаментом и позднекуфической арабской надписью. Длина 200 см, высота 58 см. XIII в.

Рис. 9. Каменный рельеф – архитектурная деталь (замковый камень) с изображением двух противостоящих львов с одной общей головой. 42x34 см. XII–XIII вв. Государственный Эрмитаж.

Рис. 10. Тимпан двери из с. Кубачи с изображением сидящей женщины в шубке в центре тимпана), со сценой нападения хищной птицы на ланя и с изображением другой птицы, клюющей рыбу (в архивольте). Высота по центру 58 см, ширина внизу 103 см. XII–XIII вв. Государственный Эрмитаж.